

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_19_1_111

А. В. Петров¹

*доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

**«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...» А. С. ПУШКИНА
И «ВИДЕНЬЕ» МАКСИМА ЛЕОНИДОВА:
ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА²**

В статье посредством интертекстуального и мотивного анализа сравниваются шедевр русской романтической лирики и современная поп-рок песня. Основу их сюжета составляет встреча героя с Идеалом и результаты этой встречи. Главный интерес автора статьи сосредоточен на способах адаптации сюжета «высокой» классической поэзии к нуждам и запросам массовой культуры. Среди этих способов: вариации «на тему»; развитие мотивов; игра с образами; «заземление», «обыгловление» и игнорирование философских и религиозно-мистических идей. Так, не локализованная в конкретном пространстве и времени пушкинская «история» переносится рок-музыкантом в пределы его собственного, реального города – Петербурга, который, следует заметить, всегда готов к явлению чудесного. Из сюжета «К***» изымается религиозно-философская составляющая, но при этом остаётся полумистический флёр, подчеркнутый самим названием песни. Сохраняется в песне и общеромантическая оппозиция «идеал и действительность», двоимирная конструкция художественного пространства и томление по идеалу – *Sehnsucht*. Герой «Виденья» несёт в себе стёршиеся приметы такого литературного романтического типа, как «лишний человек». В песне, в качестве *happy-end*'а, совмещены идеи разочарования в действительности и примирения с ней. Человеку массовой культуры чужды и не нужны сильные страсти, падения в «бездну», «восторжение» и «преображение»,

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

так же как и труднодостижимая, требующая постоянной духовной работы «полнота бытия». Можно предположить, что указанные способы и приёмы массовизации и популяризации идей и форм классической литературы являются общими и характерными для жанра популярной песни.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, М. Леонидов, элитарная и массовая культура, интертекст, полнота бытия, романтизм, жанр популярной песни, история идей

Постановка проблемы; цели; методы

Расхожая фраза о том, что «Пушкин – наше всё», давно стала трюизмом и потому, как многие национальные концепты, требует периодического остраннения. Одним из способов обновления и «освежения» концептов и идей, составляющих «национальный код», может стать изучение их исторического бытования в культуре, а особенно в культуре массовой.

В данной статье я вновь обращаюсь к пушкинскому шедевру – посланию «К***» («Я помню чудное мгновенье...») [3; 5], который вобрал в себя нетленные поэтические формулы, ставшие школьно-хрестоматийными, но отнюдь не банальными. В первой статье из моего небольшого цикла об этом стихотворении была определена важнейшая, на мой взгляд, его идея – о «полноте бытия» [5]. Я определил ее как некое экстатическое состояние личности, в котором слиты в амальгаму переживание счастья [4; 5; 7], вдохновение, любовь, полнота чувств, красота, гармония с миром, ведущие в конце концов к единению с Бесконечным, или Абсолютом. Во второй статье был рассмотрен клип – романс «Я помню чудное мгновенье...» на музыку известного российского рок-исполнителя Вячеслава Бутусова [3]. Опираясь на собственный духовный и душевный опыт, взыскав «полноты бытия», петербургский музыкант обращается к архетипическому, прецедентному для русской романтической культуры сюжету. Историю о воскресении души, описанную Пушкиным в 1825 г., Бутусов рассказывает в 2019 г. просто и безыскусно, и вместе они прозревают в любимой *Anima mundi*.

В предлежащей статье я обращаюсь к творчеству ещё одного питерского музыканта – Максима Леонидова, бывшего участника популярного некогда бит-квартета «Секрет», основателя группы «Нірробанд». Объектом сравнения с пушкинским стихотворением станет песня Леонидова «Виденье» («Девочка-виденье»). В качестве основного метода исследования я избрал интертекстуальный, дополненный компаративным и мотивным анализом.

А.С. Пушкин. «К***» (1825)	М. Леонидов. Виденье (1996)
<p>Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты.</p>	<p>Был обычный серый питерский вечер, Я пошёл бродить в дурном настроенье... Только вижу вдруг: идет мне навстречу То ли девочка, а то ли виденье... И как будто мы знакомы с ней даже:</p>
<p>В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты Звучал мне долго голос нежный И снились милые черты.</p>	<p>Помню, чей-то был тогда день рождения; И, по-моему, зовут её Дашей – То ли девочку, а то ли виденье.</p>
<p>Шли годы. Бурь порыв мятежный Рассеял прежние мечты, И я забыл твой голос нежный, Твои небесные черты.</p>	<p>Припев, 2 раза: Она прошла, как каравелла по зеленым волнам, Прохладным ливнем после жаркого дня. Я оглянулся посмотреть – не оглянулась ли она, Чтоб посмотреть, не оглянулся ли я.</p>
<p>В глуши, во мраке заточенья Тянулись тихо дни мои Без божества, без вдохновенья, Без слез, без жизни, без любви.</p>	<p>Помню, что-то я ей пел про ресницы, И на ушко ей шептал дребедень я; Только вдруг она взлетела, как птица, – То ли девочка, а то ли виденье... И смотрел я в небо звёздное долго, И назавтра был больной целый день я, Я искал её, но только без толку – То ли девочку, а то ли виденье.</p>
<p>Душе настало пробужденье: И вот опять явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты.</p>	<p>Припев, 2 раза. Я живу теперь и тихо, и складно, Но под вечер, обходя заведенья, Я ищу в толпе глаза её жадно – То ли девочки, а то ли виденья... Ты похожа на неё как сестрица, Но, конечно, не она, к сожаленью, – А я пойду домой, и пусть мне приснится То ли девочка, а то ли виденье.</p>
<p>И сердце бьется в упоенье, И для него воскресли вновь И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слёзы, и любовь.</p>	<p>Припев, 2 раза. [, 59].</p>

Основная часть

Текст Леонидова написан «по мотивам», «поверх» пушкинского, с некоторыми интересными дополнениями и вариациями. Это всё тот же романтический, в основе своей религиозно-мистический сюжет о чудесной встрече мужского персонажа с Идеалом–Красотой–Божеством, воплощённым в женском облике. Этот образ в соответствии с жанром – поп-рок песни – вынесен в рефрен:

То ли девочка, а то ли виденье.

«Виденье» – слово-интертекстема, прямо отсылающее к стихотворению Пушкина. Показательно использование в этом рефрене повторяющегося разделительного союза «то ли ... то ли», свойственного разговорному стилю речи. Он, как известно, используется «при перечислении фактов или явлений, когда не ясно, что из перечисляемого является действительным и что мнимым» [9, 508]. При этом данным союзом выражаются «несобственно разделительные» отношения, «предполагающие синтез тождества (равнозначности) и разграничения (выбора)» [8, 627]. Иными словами, названной конструкцией утверждается принципиальная невозможность для героя – лирического «я» песни понять, встретился ли он с реальной девушкой, или же это было видение, призрак – чудо.

В исходном, пушкинском варианте ситуация с «тождеством и разграничением» такова: героиня обозначена местоимением «ты» и с помощью риторического приёма – сравнительной конструкции с союзом «как» соотнесена с Божественным началом:

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты [6, 406].

Далее: имени героини стихотворения мы не знаем (ср. у Леонидова: «Даша», у Пушкина вместо этого – загадочное обращение – предлог «К» с астронимами вместо имени); никаких определителей её возраста нет (например, девушка, дама и пр.; ср. леонидовское «девочка»); пол «ты» подчёркнут исключительно грамматически – формой глагола прошедшего времени («явилась»).

Все эти наблюдения ведут меня к следующим выводам. Задача Пушкина – максимально «развоплотить» героиню, оставив «женское/человеческое» в ней («голос нежный», «милые черты») лишь в той степени, в какой оно способно вместить в себя Божественное/Прекрасное. Поэтому, например, «милые черты» во второй строфе, которые ещё есть возможность увидеть во сне как образ реальной женщины, становятся чертами «небесными» в третьей строфе, когда время («шли годы») и мирские «бури» стирают их, и в памяти остаётся лишь воспоминание/впечатление о чём-то бесплотном, спустившемся некогда с небес, а затем вернувшемся туда.

Этот мотив, кстати, оказался развёрнут и даже визуализирован в песне Леонидова:

Только вдруг она *взлетела, как птица*, –
То ли девочка, а то ли виденье...

И смотрел я в *небо звёздное* долго <...> [2].

Что касается союза «то ли ... то ли», то манифестированная им двойственность ситуации и образа героини Леонидова, хотя и кажется более загадочной, чем у Пушкина, воспринимается массовым сознанием

проще и легче, чем система пушкинских иносказаний, семантических замен и символов.

Интересные трансформации претерпевает в песне и пушкинский сюжет «двух встреч» с «ней/виденьем/гением чистой красоты». В версии Леонидова этих встреч – три. Сюжетная последовательность их не совпадает с фабульной.

Первая встреча произошла на чьём-то дне рождения. Этот вполне бытовой образ можно истолковать как иносказание праздника, т.е. события, выбивающегося из будней, рутины. Романтический пушкинский аналог – «чудное мгновенье».

И как будто мы знакомы с ней даже:

Помню, чей-то был тогда день рожденья;

И, по-моему, зовут её Дашей –

То ли девочку, а то ли виденье.

Ещё один важный момент здесь можно прокомментировать словами М. Вайскопфа: «<...> сама встреча с эротическим партнером осмысливается персонажем одновременно и как узнавание, и как реализация его более-менее кристаллизирующейся “идеи” или, чаще, “идеала”, памятного ему по предыдущему существованию и общей духовной отчизне – небесной или хотя бы земной (детство и пр.), где он надеялся его отыскать» [1, 486].

Вторая встреча, положенная в основу сюжета песни, – узнавание:

Только вижу вдруг: идет мне навстречу

То ли девочка, а то ли виденье...

И как будто мы знакомы с ней даже <...>.

Перед нами очевидный парафраз начала пушкинского стихотворения – «я помню чудное мгновенье». Здесь, кроме того, интересно трансформирован пушкинский мотив духовной смерти лирического героя, представленный в четвертой строфе «К***» («В глуши, во мраке заточенья» etc.). Ср.:

Был обычный серый питерский вечер,

Я пошёл бродить в дурном настроенье...

После утраты идеала – исчезновения девочки-виденья этот мотив появляется снова:

И завтра был больной целый день я.

Разумеется, в популярной песне не место размышлениям о глубоком духовном кризисе, и потому последний заменяется более простым и понятным «дурным настроеньем», болезнью; бесцельность существования и «тоска небытия» (Г. С. Померанц) – шатанием по городу («я пошел бродить»); а «мрак заточенья» – «обычным, серым вечером». В какой-то очень отдалённой перспективе здесь можно увидеть и реминисценцию пушкинского же «Пророка» – мотив «духовной жажды».

А. В. Петров

Встреча вызывает в герое любовное возбуждение, подъём чувств, ощущение некоего их обновления, «освежения» – упрощённый вариант той полноты бытия, которую Пушкин описал в последней строфе своего шедевра («И сердце бьется в упоенье» etc.). Этот мотив представлен в припеве:

Она прошла, как каравелла по зеленым волнам,
Прохладным ливнем после жаркого дня.

Ср. также:

Помню, что-то я ей пел про ресницы,
И на ушко ей шептал дребедень я <...>.

Перед нами, замечу, некая инверсия пушкинских мотивов из второй строфы («Звучал мне долго голос нежный / И снились милые черты»): герой песни и героиня стихотворения как бы меняются местами. Теперь его голос «звучит» ей, но звучит «дредендь». В каком-то смысле леонидовский герой выступает здесь носителем пошлости (аллюзия на мотив «шумной суеты» у Пушкина), разглядевшим «девочку», но не увидевшим «виденье». Поэтому она и улетает от него птицей без какого-либо предупреждения – «вдруг».

Третья встреча, отсутствующая в «первоисточнике» 1825 г., является логическим завершением рассматриваемого сюжета. В контексте романтической литературы её можно определить как ложное узнавание, встречу с «двойником»:

Ты похожа на неё как сестрица,
Но, конечно, не она, к сожаленью <...>.

Здесь «мерцают», я думаю, и блоковская «Незнакомка» (которая сама, в свою очередь, восходит к пушкинскому «К***»), и гоголевский «Невский проспект». Ср.:

Но под вечер, обходя заведенья,
Я ищу в толпе глаза её жадно <...>.

Однако встреча леонидовского героя с земной женщиной, похожей, «как сестрица», на его идеальную «девушку-виденье», может быть интерпретирована и как представившаяся герою возможность удовлетвориться земным без небесного, копией вместо оригинала, что, в общем-то, не так уж и плохо.

В завершение спросим: обрёл ли герой песни «полноту бытия» или хотя бы счастье, повстречавшись с Идеалом? произошло ли с ним чаемое романтиками преобразование, пробуждение души? чем вообще завершилась его встреча с чудесным виденьем?

Общий итог я бы обозначил как обретение душевной гармонии:

Я живу теперь и тихо, и складно <...>.

Соприкоснувшись с чудесным, с инобытием, герой превращается в романтика в том смысле, что главной ценностью для него становится мир мечты, заменой и знаком которого является сон (мотив из второй

строфы «К***»), а также общеромантический мотив, соотносимый с видением):

А я пойду домой, и пусть мне приснится
То ли девочка, а то ли виденье.

Выводы

Будучи частью мистически напряженного «петербургского текста» русской литературы, песня Максима Леонидова «Виденье» наследует известный романтический сюжет о встрече с Идеалом, адаптируя его для массовой культуры. При этом нельзя утверждать, что основным способом «массовизации» и «популяризации» становится только лишь упрощение неких сложных, присущих культуре элитарной (в данном случае – романтизму, представленному писателем-классиком) идей, художественных приёмов, мотивов и т. д. Скорее можно говорить о вариациях «на тему», о развитии этих мотивов, об игре с образами и, да, о некотором «заземлении», «обытовлении» либо игнорировании идей и феноменов философского и религиозно-мистического порядка.

Так, не локализованная в конкретном пространстве и времени пушкинская «история» переносится рок-музыкантом в пределы его собственного, реального города, который, надо сказать, всегда готов к явлению чудесного. Из сюжета «К***») изымается религиозно-философская составляющая, но при этом остаётся полумистический флёр (вообще свойственный «петербургскому тексту»), подчеркнутый самим названием песни. Сохраняется и общеромантическая оппозиция «идеал и действительность», двоимирная конструкция художественного пространства и романтическое томление по идеалу – *Sehnsucht*. Герой песни Леонидова несёт в себе приметы такого романтического типа, как «лишний человек». В песне, на удивление, совмещены разочарование в действительности и примирение с ней. Человеку массовой культуры чужды и не нужны сильные страсти, падения в «бездну», «восторжения» и «преображение», так же как и труднодостижимая, требующая постоянной духовной работы «полнота бытия». Таковы, впрочем, законы жанра.

Литература

1. Вайскопф М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 696 с.

2. Максим Леонидов. Песни для голоса и фортепиано (гитары). Санкт-Петербург: Изд-во «Композитор – Санкт-Петербург», 2004. 64 с.

3. Петров А. В. Два стихотворения А. С. Пушкина о любви в формате видеопоззии: медиапродукт как выражение архетипов бессознательного // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 103–115.

4. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.

5. Петров А. В. «Я помню чудное мгновенье...» А. С. Пушкина: полнота бытия, или отказ от счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 93–105.

6. Пушкин А. С. К*** («Я помню чудное мгновенье...») // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. 1947. С. 406–407.

7. Рудакова С. В. К вопросу о своеобразии представлений А. С. Пушкина о счастье в его ранней лирике // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 106–118.

8. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 710 с.

9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 15: Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. 1286 стб.

REFERENCES

1. Vajskopf M. Vlyublennyy demiurg: Metafizika i erotika russkogo romantizma [Demiurge in love: Metaphysics and erotica of the Russian romanticism]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 696 p. (In Russian)

2. Maksim Leonidov. Pesni dlya golosa i fortepiano (gitary). SPb.: Izd-vo «Kompozitor – Sankt-Peterburg», 2004. 64 p. (In Russian)

3. Petrov A. V. Dva stihotvoreniya A. S. Pushkina o lyubvi v formate videopoezii: mediaprodukt kak vyrazhenie arhetipov bessoznatelnogo [Two poems by A. S. Pushkin about love in the format of video poetry: media product as expression of the archetypes of the unconsciousness] // *Libri Magistri*. 2021. № 4 (18). Pp. 103–115. (In Russian)

4. Petrov A. V. Fenomenologiya «russkogo schast'ya» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoy shkoly po izucheniyu russkoj poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of «The Russian Happiness» in works of T. E. Abramzon and the Magnitogorsk philological school on studying of the russian poetry of the 18–19th centuries] // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48. (In Russian)

5. Petrov A. V. «Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e...» A. S. Pushkina: polnota bytiya, ili otkaz ot schast'ya [«A wondrous moment I remember...» of A. S. Pushkin: completeness of existence as refusal of happiness] // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). Pp. 93–105. (In Russian)

6. Pushkin A. S. К*** («Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e...») [То*** («A wondrous moment I remember...»)] // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: V 16 t. М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Литсейские стихотворения в позднейших редакциях. 1947. Pp. 406–407. (In Russian)

7. Rudakova S. V. K voprosu o svoebrazii predstavlenij A. S. Pushkina o schast'e v ego rannej lirike [The peculiarity of A. S. Pushkin's ideas of happiness in his early lyrics] // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). Pp. 106–118. (In Russian)

8. Russkaya grammatika [Russian grammar]. T. II. Sintaksis / gl. red. N. Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1980. 710 p. (In Russian)

9. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern Russian literary language]. T. 15: T. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 1286 p.

«A WONDROUS MOMENT I REMEMBER...» OF A. S. PUSHKIN
AND MAXIM LEONIDOV'S «VISION»:
EXPERIENCE OF INTERTEXTUAL ANALYSIS

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

In the article compares the masterpiece of Russian romantic lyrics and a modern pop-rock song by means of intertextual and motif analysis. The basis of their plot is the meeting of the hero with the Ideal and the results of this meeting. The main interest of the author of the article is focused on ways of adaptation of the plot of «high» classical poetry to the needs and demands of mass culture. Variations «on a theme»; the development of motives; playing with images; «grounding» and ignoring of philosophical and religious-mystical ideas are among these methods. Thus, Pushkin's «story», which is not localized in a space and time, is transferred by a rock musician into his own, real city – St. Petersburg, which, it should be noted, is always ready for the phenomenon of the miraculous. The religious and philosophical component is removed from the plot of «To***», but at the same time there remains a semi-mystical flair, emphasized by the very name of the song. The romantic opposition «ideal and reality», the two-world construction of the artistic space and the yearning for the ideal – Sehnsucht are kept. The hero of the «Vision» carries the erased signs of such a literary romantic type as «superfluous man». In the song, as a happy-end, the ideas of disappointment in reality and reconciliation with it are combined. A person of mass culture is alien and does not need strong passions, falling into the «abyss», «rapture» and «transfiguration», as well as the «completeness of being», which is difficult to achieve and requires constant spiritual work. It can be assumed that these methods and techniques of mass production and popularization of ideas and forms of classical literature are common and characteristic for the genre of popular song.

Key words: A. S. Pushkin, M. Leonidov, elite and mass culture, intertext, completeness of being, romanticism, genre of a popular song, history of the ideas

Для цитирования: Петров А. В. «Я помню чудное мгновенье...» А. С. Пушкина и «Виденье» Максима Леонидова: опыт интертекстуального анализа // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). С. 173–181.

Поступила в редакцию 16.01.2022